

Как хороши *Сегодня, - 1994. - 14 апр. - с. 10.*

СТОКГОЛЬМСКИЕ ЗАКАТЫ

Премьера оперы «Доктор Глас» Арне Мельнеса в Шведской королевской опере

Алексей Парин

Р

оман Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас», вышедший в свет в 1905 году, дает дорогу модернистской открытости, аклассической смазанности причин и следствий. Врач Габриэль Глас, довольствующийся юношеским томлением, тридцатипрехлетний девственник, убивает с помощью яда священника, мужа тайно любимой им женщины. Но деяние обесмысливается, уходит в песок муки совести смолкают, правосудие введено в заблуждение, любимая женщина остается при своей страсти к недостойному сопернику.

Роман Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас» вобрал в себя всю открытость стокгольмского городского пейзажа. всю разомкнутость приморского пространства, в котором дом на суше и корабль на воде, звонок трамвая и крик чайки, лицо и его зеркальное отражение имеют равные права. Отдельные сцены романа накрепко сцепились с конкретными улочками и уголками шведской столицы, что овеяло текст дымкой мифа и, соответственно, напигало сами реалии обаянием фиктивного существования.

Спектакль по опере Арне Мельнеса «Доктор Глас» предстал на большой сцене Стокгольмской оперы в оформлении Роланда Сёдерберга и художника по свету Торкеля Блумквиста-сплавом, куда на равных правах входят легкая открытость фиктивного и жесткая замкнутость реального, где сосуществуют город-призрак и город-робот, пейзаж-явь и пейзаж-фантом. Стокгольм стоял на сцене огромным многосторонним шкафом густо-зеленого цвета, чья древесина то ли изъедена червями времени, то ли затайливо изрезана искусными руками северных мастеров: в узорах

ЗНАК МЕРКЕЛЬ РОДБЕРГ

уточняется то цветок, то саламандра. Такими же загадками говорила с нами декорация Сергея Бархина в спектакле Генриетты Яновской «Иванов и другие», дающем новые разгадки старым несообразностям бытия. За прорезями города-шкафа и в широких проемах между створками виднелось в «Докторе Гласе» широкое стокгольмское небо, которым и вправду нельзя не залюбоваться — особенно в часы заката.

Музыка многоопытного Мельнеса, основанная на новейших открытиях композиторской техники, действенна и суггестивна. Голоса персонажей окружены специфическими тембральными «оболочками»: Хельге, потаенной страсти главного героя, сопутствуют, в частности, гобой и струнные. Вслушивание в себя (крадущиеся микрошорохи и минивздохи) взрывается залпами саморазрушения (мегагрохот и ультразвал).

Режиссер Клас Липьефорс вписывает фигуры в метафорический городской пейзаж добротнo и надежно, завязывает узелки эмоций внутри персонажей и между ними грамотнo и уверенно, использует психоаналитическую символику с тактом, зернышко тут, щепотка там.

Красные розы, белая плащ-простыня. Сон мгновенно превращается в реальность: белая простыня, окутывавшая всю сцену, за секунду уезжает без остатка в люк. У Беата Фе в Штутгарте то же самое, правда, делалось осмысленнее, точнее по образцу: в «Эрендире» преполовлялась вся жизнь героини, в «Севильском цирюльнике» ночь превращалась в день.

Оркестр под управлением Гари Берксона: образец дисциплинированности и самоотдачи. Все певцы без исключения: образец понимания и мастерства. Ян Кюле, исполнитель главной роли: образец отстраненности и владения ситуацией, виртуозности и шлифовки.

Главный герой допевает свой финальный монолог, и закрывшиеся створки города-шкафа лишают несчастного последней отрады: возможности любоваться закатом.

Но нам-то никто не запретит перечитывать мерцающие сплотики сёдерберговой прозы, застывать в остолбенении при виде заката над Стокгольмом, непредсказуемого и дикого, равно пестрящего темно-красными розами и ключьями белой простыни.